

РУССКАЯ КЛАССИКА

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Поэзия

Москва

2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С32

Серия «Русская классика»

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Альфонса Мухи*

Серия «Всемирная литература»

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Серебряный век: поэзия. — Москва : Издательст-
во «Э», 2017. — 512 с.

ISBN 978-5-699-95532-9 (Всемирная литература)

ISBN 978-5-699-79989-3 (Русская классика)

Серебряный век... Удивительный период в истории русской культуры, начавшийся в конце XIX века и прерванный октябрьским переворотом. Это было время интеллектуальных прозрений и социальных потрясений, получившее широкое воплощение в русском искусстве и литературе. Наряду с шедеврами Александра Блока и Анны Ахматовой, Сергея Есенина и Марины Цветаевой читатель найдет практически совершенные, поэтически прекрасные стихотворения десятков других мастеров стиха — от философа Андрея Белого до сатирика Саши Черного. Перед вами своего рода лирический дневник эпохи.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-95532-9
ISBN 978-5-699-79989-3

© Новгородова М.И., 2017

© Пастернак Б.Л., наследники, 2017

© Городецкий С.М., наследники, 2017

© Клычков С.А., наследники, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

**Алексей Михайлович
Жемчужников
(1821—1908)**

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА

Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.

1892, Стенькино

СЕБЕ

В родной семье певцов почтен не будешь ты
Ни шумной славою, ни славой долговечной;
Но ты оставишь след возвышенной мечты,
И скорби искренней, и думы человеческой.

1893

ПАУЗА

Морозный, тусклый день рисует предо мной
Картину зимнюю красы необычайной;
Покрытый инеем, недвижим сад немой.
Он замер, весь объят какой-то белой тайной.

Движенья ищет взор, переходя вокруг
С предмета на предмет; но тщетно: сад не дышит;
И, силясь уловить хоть мимолетный звук,
Слух напрягается, но ничего не слышит...

1893, Стенькино

С ГОР ПОТОКИ

Весна, весна — по всем приметам,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна с улыбкой и приветом...
Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

Повсюду жизни дар небесный
Нисходит радостно к полям, —

И в то же время повсеместно
Все о страданиях смерти крестной
Великий пост вещает нам.

То в мир земной, то в идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, под благовест печальный,
В лучах весны первоначальной
Журчат веселые ручьи.

1893, Стенькино

ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

Блестящ и жарок полдень ясный,
Сижу на пне в лесной тени...
Как млеют листья в неге страстной!
Как томно шепчутся они!

О прошлом вспомнил я далеко,
Когда меня июльский зной,
Струясь живительным потоком,
Своей разнеживал волной.

Я с каждой мошкой, с травкой каждой,
В те годы юные мои,
Томился общею нам жаждой
И наслажденья, и любви.

Сегодня те же мне мгновенья
Дарует неба благодать,
И возбужденного томленья
Я приступ чувствую опять.

Пою привет хвалебный лету
И солнца знойному лучу...
Но что рождает песню эту,
Восторг иль грусть, — не различу.

6 июля 1894, Ильиновка

* * *

Когда душа, расправив крылья,
Дерзает выпранный полет,
И я взнесусь не без усилия
Во область чистую высот, —
Как мяч, взлетевший ввысь невольно,
К земле я падаю, спеша;
И снова в узах жизни дольной
Задремлет грешная душа.

1895, Петербург

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕСОК ПРИ УСАДЬБЕ»

ВСТРЕЧА

Я в праздник, меж дубов, один бродя тоскливо,
С крестьянкой встретился. Румяна, молода,
Лицом приветлива, нарядна и красива,
Она, по ягоду зашедшая сюда,
Мне ягод поднесла. Я был ей благодарен.
Смеясь и бусами играя на груди,
Она мне молвила: «Один, скучаешь, барин?»
А я ответил ей печально: «Проходи».

1896

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Одни — двуногое, пасущееся стадо,
Без дум, надежд и грез, которых людям надо.
Не зная ни тоски, ни порываний ввысь,
Они как бы в грязи для грязи родились.
Так есть животные, которым воспретила
Природа подымать к небесным высям рыла.
Другие — до того чуждаются земли,
Что в мир неведомый из нашего ушли.
Когда их над землей, как духов, носят крылья,
Они с своих высот, из рога изобилья
Нам сыплют песенок летучие листки.
И ропщем мы: «Зачем, рассудку вопреки,
Нам эти пряности и эти карамели,
Меж тем как досыта и хлеба мы не ели?»
Итак — две крайности. Когда одна из двух
Иль обе вместе наш пленять желают слух —
Та хрюканьем свиным, а эта птичьей песней, —
Решить я не берусь, из них что интересней —
Лишь люд бы людом был! Вот отповедь моя!
А птицей, и свиньей... уж птица и свинья.

1896

* * *

Так прочен в сердце и в мозгу
Высокий строй эпохи прошлой,
Что с современностью пошлой
Я примириться не могу.

Но я, бессильный, уж не спорю
И, вспоминая старину,

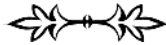
Не столь волнуясь и клянусь,
Как предаюсь тоске и горю...

Что я?.. Певец былых кручин;
Скрижалей брошенных обломок;
В пустынном доме, в час потемок,
Я — потухающий камин.

То треск огня совсем затихнет,
Как будто смерть его пришла;
То дрогнет теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнет.

Тогда тревожно по стенам
Толпой задвигаются тени
И лица прежних поколений
Начнут выглядывать из рам.

1898

**Константин Константинович
Случевский
(1837—1904)**

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Стони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему оне? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898

* * *

Не померяться ль мне с морем?
Вволю, всласть души?
Санки крепки, очи зорки,
Кони хороши...
И нечитанные версты
Понеслись назад,
Где-то, мнится, берег дальний
Различает взгляд.

Кони шибче, веселее
Мчат во весь опор...
Море места прибавляет,
Шире кругозор.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А нечитанные версты
Сзади собрались
И кричат, смеясь, вдогонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нет в них силы,
Клонят морды в снег...

Ну, пускай другой, кто хочет,
Продолжает бег!

И не в том теперь, чтоб дальше...
Всюду — ширь да гладь!
Вон как вдруг запорошило...
Будем умирать!

1898

* * *

Вконец окружены туманом прежних дней,
Все неподвижной мы, в желаньях тяжелей;
Все уже горизонт, беззвучнее мечты,
На все спускаются завесы и щиты...

Глядишь в прошедшее, как в малое окно;
Там все так явственно, так все озарено,
Там светят тысячи таинственных огней;
А тут — совсем темно и, что ни час, темней...

Весь свет прошедшего как бы голубоват.
Цвет взглядов юности! Давно погасший взгляд.
И сам я освещен сиянием зари...
Заря в свершившемся! Любишься и смотри!..
Как ясно чувствую и как понятно мне,
Что жизнь была полней в той светлой стороне!
И что за даль видна за маленьким окном —
В моем свершившемся, чарующем былом!

Ведь я там был в свой час, но я не сознавал.
И слышу ясно я — мне кто-то прошептал:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотреть!
Но, чтоб туда пройти, ты должен умереть!»

1900

* * *

Пускай основы правды зыбки,
Пусть всё безумно в злобе дня, —
Доброжелательной улыбки
Им не лишить теперь меня!

Я дом воздвиг в стране бездомной,
Решил задачу всех задач, —
Пускай ко мне, в мой угол скромный,
Идут и жертва, и палач...

Я вижу, знаю, постигаю,
Что все должны быть прощены;
Я добр — умом, я утешаю
Тем, что в бессилье все равны.

Да, в лоно мощного покоя
Вошел мой тихий «Уголок» —
Взросший в грудах перегноя
Очаровательный цветок...

1895—1901

* * *

С простым толкую человеком...
Телега, лошадь, вход в избу...
Хвалю порядок в огороде,
Хвалю оконную резьбу.

Всё — дело рук его... Какая
В нем скромных мыслей простота!
Не может пошатнуться вера,
Не может в рост пойти мечта.

Он тридцать осеней и весен
К работе землю пробуждал;
Вопрос о том, зачем все это, —
В нем никогда не возникал.

О, как жестоко подавляет
Меня спокойствие его!
Обидно, что признание это
Не изменяет ничего...
Ему — раек в театре жизни,
И слез, и смеха простота;
Мне — злобы дня, сомненья, мудрость
И — на вес золота мечта!

1895—1901

* * *

Я мыслить жажду потому, что в этом —
Живой покой, святая тишина,
Все полно ясным, нетревожным светом,
В душе легко, и ясно даль видна!

И если мгла за некоторой гранью
Перед умом слегка скрывает даль, —
Страдать от этого немислимо сознанию:
Мне жаль, что — мгла, но мне спокойно жаль...

Тогда как в чувствах столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаний духа и страданий воли —
Успокоенье только в забытьи, —

Что все восторги страстных наслаждений,
Всех оргий чувств за время лучших лет